

ЯЗЫК ВЛАСТИ

С античных времен до наших дней язык власти привлекал всеобщее внимание и был предметом обсуждения и систематического исследования. Древние греки с их созерцательным типом мышления были восхищены многообразием способов использования языка, который они рассматривали как инструмент истины, изобразительно-выразительное средство и как орудие убеждения. Безусловно, величайшее влияние на последующее развитие научной мысли в этом направлении оказали идеи Аристотеля [Rhetorica and De Poetica 1924]. Тем не менее, самая непосредственная связь между теорией языка и властью была установлена благодаря многочисленным трактатам об ораторском искусстве, расцвет которых пришелся на античную эпоху. В Афинах, где действия коллектива так часто зависели от исхода полемики, софисты разработали практические правила успешной речи. Рим продолжил греческую традицию, что особенно отражено в трактате Цицерона «Об ораторе» (1942). Известно, что Плиний написал достаточно объемный учебник под названием *The Student* («Изучающий») [Lynn Thorndike 1929: 45].

В период Средневековья огромная роль устной коммуникации в практической жизни нашла свое отражение в существовании ряда трактатов, посвященных проповедям. Поскольку проповеди часто были нацелены на то, чтобы выйти за непосредственные рамки обряда или религиозного наставления, нельзя сказать, что ораторское искусство священнослужителей не имеет никакого отношения к исследованию политической деятельности. У нас есть достаточные основания полагать, что многие проповедники обладали способностью глубокого проникновения в контекст ситуации проповеди. Григорий Великий посвятил целую главу описанию различных типов публики, с которой придется иметь дело проповеднику, он насчитал не менее ста двадцати различных категорий слушателей. Показателем высокого уровня самоанализа являются пометки, обнаруженные на сохранившемся рукописном тексте проповеди, которую в 1500 г. читал Оливье Майяр: «Сядь – встань — сделай гримасу – Гм! Гм! – а теперь кричи что есть мочи» [Harry Caplan 1925, Etienne Gilson 1932: 93-154; Th. M. Charland, 1936].

После изобретения в Европе печатного станка в XVI веке литература по ораторскому искусству постепенно стала тесно связываться с использованием печатных изданий. В XX веке, благодаря двум изобретениям – кино и радио – голос и жестикаляция говорящего вновь обрели прежнее значение. Что касается современности, рост частных предприятий впервые стал причиной появления огромного количества ли-

тературы об искусстве привлечения покупателей. Еще одной характерной чертой нашей цивилизации с ее высокой степенью нестабильности вследствие быстро меняющейся и непредсказуемой жизни, является существование литературы по проблемам политической пропаганды. В целом, с ростом населения и профессиональной специализации люди начинают все больше стремиться урегулировать свою деятельность. Издаются справочники для коммерческих директоров, регулирующие их взаимоотношения с акционерами, покупателями, рабочими, представителями власти и другими группами. Свои «руководства к действию» имеют государственные служащие, профсоюзы, торгово-промышленные ассоциации и политические партии. В позднем Средневековье существовали книги об искусстве умирать; сегодня мы можем найти справочники о том, как организовать похороны [Sister Mary Catherine O'Connor 1942] (Автор отмечает: «В рукописи № 423 MODL, и след. стр. 192, имеется поэтическое сочинение, под названием 'Учиться умирать'. А в книге Дейла «Каталог британских и других писателей» 1548-51, на с. 480, упоминается (подражание искусству оплакивать (сочинение, изданное в Англии)) с. 1, примечание 1. Необходимо назвать также книгу Эвелин Во, «Любимый», Литл Браун, Бостон, 1948»).

Эмоциональное сопротивление исследованию. С тех пор как человек осознал действенную силу слова — будь то власть, прибыль или возможность сохранять присутствие духа — он всегда сопротивлялся возможности объективно оценить значение языка. В этой связи достаточно вспомнить тот отрицательный оттенок, который так долго связывался со словом «софист», несмотря на то, что греческие софисты были выдающимися учителями риторики. Даже само слово "риторика" в дополнении к положительному смыслу приобрело отрицательную коннотацию. Уильям Батлер Йетс в своей книге очерков *«Идеи добра и зла»* называл это явление, характерное для не слишком проникательных людей, «желанием, стремящимся завершить работу воображения». Этим можно объяснить употребление резких определений в повседневной разговорной речи: считается, что увлекаться риторикой — значит быть фальшивым, напыщенным и неискренним.

Не трудно понять, почему существует так много факторов, обуславливающих враждебность, с которой люди относятся к изучению практического воздействия языка. Обычный человек далек от того, чтобы применять к языку тот же беспристрастный подход, с которым он пользуется выключателем электрического освещения — слова тесно связаны с нашей изначальной психологической установкой. Слова и мимика во многом и напрямую определяют наше самочувствие. Если обычные слова приветствия сказаны неучтиво, нам становится неприятно; и они должны быть произнесены в точности с соответствующей интонацией. Нам трудно было бы досконально передать малейшие словесные претензии, которые мы предъявляем своим соседям, или

которые они предъявляют нам, однако мы знаем, что нам нравится или, по крайней мере, что нам не нравится в каждой конкретной ситуации. Одним словом, статус нашей личности в целом включен в поток вербальной информации, в котором выражено почтительное отношение к нам окружающих. И если мы принадлежим к тем несчастным и все еще многочисленным группам людей до некоторой степени неуверенных в себе, мы склонны уделять излишнее, чрезмерное внимание деталям повседневного дискурса. Мы становимся сверхчувствительны к всевозможным проявлениям неуважения, независимо от того, является ли это реальностью или плодом нашего воображения. Мы заново переживаем каждый контакт, спрашивая себя, что означала эта полуулыбка – дружелюбие или скрытую насмешку, и недоумеваем, был ли отрывистый тон собеседника следствием его спешки либо он просто был слегка обижен, или же мы слишком далеко зашли, обращаясь к шефу просто по имени (Показателем того, что слова могут производить определенный эффект, является использование их для защиты от словесных нападений. Фредерик Дуглас (негритянский оратор): «Джентльмен не будет оскорблять меня, и ни одному человеку, не являющемуся джентльменом, я не позволю оскорбить себя». «Клятвы – всего лишь слова, а слова – всего лишь ветер» (Сэмюэль Батлер, *«Гудибрас»*). Много лет назад Сенека заметил: «Уметь спокойно переносить недоброжелательное отношение окружающих – это первое, чему должны научиться те, кто стремятся быть у власти»)

Развитие ребенка и язык. Благодаря изучению бесконечных внутренних монологов у больных с невротическими расстройствами, наконец, удалось доказать, что с самого рождения язык имеет огромное значение для осознания собственного «я». Ни один ребенок не может полностью адаптироваться в человеческом обществе, до тех пор, пока он не начнет успешно прокладывать свой путь сквозь лабиринт языка. Ни одно из достижений ребенка не становилось предметом столь бурного обсуждения, по крайней мере, в нашей цивилизации, как его первые произнесенные слова и последующее приобретение языковых навыков. С самых первых дней жизни, наша речевая способность служит не только удовлетворению элементарных практических потребностей в еде и защите. Это своего рода измерительный прибор, с помощью которого мы постоянно оцениваем нашу личность как целое. Как правило, способность к речи всегда несет с собой целый поток снисходительности со стороны членов ближайшего окружения и за его пределами, когда первые неудачи травмируют «я» ребенка.

Дальнейшее усложнение нашего отношения к языку выражается в чувстве обиды, испытанном нами в детстве в ответ на произвольность и непонятность речи взрослых. Ее быстрота, за которой нам порой трудно успеть, и использование слов, гораздо длиннее тех, что мы можем усвоить, оказывается для нас своего рода псевдорекламой того,

какую роль будет играть для нас общение в будущем. Неудивительно, что ребенок придает огромную значимость языку и его способности содержать в себе скрытую информацию. and to secrecy. Отсюда становится ясно, почему так много усилий нередко предпринимается для создания тайных языков. Комичной эту ситуацию отчасти делает то, что сами взрослые нередко выступают противниками своей же собственной языковой монополии [Pierre Bovet 1923].

Политическая магия и язык. Теперь, когда мы рассмотрели мощные факторы, обуславливающие раннее развитие личности, мы можем понять, какую огромную роль играет магия и магические слова в политической истории человечества. Задачей общества было внести некую корректировку в мир детских иллюзий путем постепенного приведения их в соответствие с реальной действительностью. Некоторые культуры сделали всего лишь несколько нерешительных шагов в этом направлении, и взрослые суждения обладают меньшей ценностью, в связи с чем в определенные периоды даже наиболее образованные члены сообщества вновь обращаются к примитивным формам мышления.

Согласно магическому отношению к жизни, символы и знаки обладают необъяснимой силой. Чародеи, предсказатели и знахари высоко ценились при дворах древних правителей, а также среди простого народа. И даже если магический обряд состоял из определенных действий над материальными предметами, его неотъемлемым элементом обязательно являлись заклинания и магические формулы. Когда речь идет об оккультном знании, считается, что именно нужные слова смогут приоткрыть завесу таинственности. Для того чтобы вспомнить примеры магического отношения к жизни, достаточно лишь открыть труд Плиния Старшего «Естественная история». В Древнем Риме кометы нередко считались символами несчастья. Один из ранних императоров, опасаясь астрологов, изгнал всех, за исключением тех, кто находился при дворе, за пределы Рима и Италии из-за их слишком вольных предсказаний относительно его смерти. Считалось также, что некоторые камни якобы оберегают публичных ораторов или дают право находиться в присутствии королевского окружения, а кровь Василиска помогает богам услышать людские молитвы, а тем, кто у власти – удовлетворить адресованные к ним прошения [Lynn Thorndike 1929: 70].

В самом деле, политика и магия так тесно переплелись, что в сознании людей искусство политики порой неотделимо от магии. В сочинении Филона Александрийского «О снах», написанном в первом веке н.э., Иосиф и его «Многоцветный плащ» – это своего рода сравнение с «пестрой паутиной политических интриг», где в каждом правдоподобном высказывании тесно переплетаются и ложь, и «малейшая частичка правды». Филон сравнивает политиков и государственных деятелей с

прорицателями, чревовещателями и колдунами, «людьми, владеющими искусством магии, заклинаний и всевозможных фокусов, чьей вероломной хитрости очень трудно противостоять». Двенадцать веков спустя, Моисей Меймонид провел подобные аналогии в своем сочинении «Путеводитель для Озадаченного». Считалось, что в некоторых людях преобладает способность к воображению, тогда как рациональная способность остается недостаточно развитой. «Так появились объединения политиков, законодателей, предсказателей, колдунов, провидцев... и фокусников, которые творят чудеса при помощи странного искусства и оккультных наук» [Lynn Thorndike 1929: 358-359].

Лингвистика. Не смотря на некоторое сопротивление изучению некоторых аспектов языка, наука лингвистика в целом может гордиться долгой, богатой и успешной традицией. Как бы там ни было, на развитие научного подхода к языку глубокое влияние оказало изначальное магическое отношение к жизни. В Индии, благодаря влиянию брахманов, Веды считались наделенными такой магической силой, что малейшая неточность в произношении, ударении или ритме сводили к нулю значение всей жертвенной формулы. Фонетика, грамматика, этимология и метрика возникли из стремления достичь должного понимания и чтения священных текстов. Музыка как наука произошла вследствие того, что жрецу нужно было исполнять священные песни. Точное измерение было необходимо для постройки алтарей, а астрология использовалась для того, чтобы вычислить подходящее время для жертвенного обряда. Начиная с восемнадцатого века, литература Индии стала оказывать непосредственное влияние на европейскую науку; изучение текстов Ригведы (одна из четырех старейших частей Вед) способствовала развитию компаративной филологии (См. H. D. Griswold for a brief statement on «Brahmanism and Hinduism» in the *Encyclopaedia of the Social Sciences*).

Большинство законов научной лингвистики содержат в себе обобщение того, как составные части данной языковой структуры взаимодействуют с языком в целом, и как одна языковая структура влияет на другую. Поразительным примером предположений, которые выводятся из лингвистических законов, является работа Эдварда Сепира о атабаскских языках Северной Америки. Сравнивая базовый звуковой строй близких языков, он сделал предварительный вывод о существовании в языке хупа начального *ku*, несмотря на отсутствие данной комбинации в документах того периода. Тем не менее, летом 1927 г. Сепир провел ряд независимых исследований, изучая язык хупа, и обнаружил эту отсутствующую и выведенную им комбинацию. Существование подобных конструкций в других языках было также сначала предположено, а потом и доказано другими учеными, что явилось доказательством

внутреннего сдвига в фонетическом строе языков. Данный тип лингвистических изменений необходимо включить в список их более явных разновидностей (изменения по аналогии, заимствования) [Edward Sapir 1931: 297-306].

Функции языка. На пути перехода от законов компаративной грамматики и фонетики к принципам практического использования языка для определенных целей еще много белых пятен. Влияние человеческого фактора на развитие языка пока доступно пониманию лишь частично. Другие разнообразные функции языка, такие как, напр., язык власти, также не были предметом подробного изучения (Инициатором исследований в данной области стал Стенли С. Ньюмен в своей работе *«Язык, культура и личность»*, *Очерки памяти Эдварда Сепира*, опубликованной в 1941. Одна из ранних попыток выделить «специальные языки» в отдельную область была предпринята Арнольдом ван Дженнепом (1908). Он выделял «священный» и «светский» язык и также разделял предположение о том, что в состав «специальных языков» входят слова, являющиеся элементами: (а) общего языка, или (b) элементами, отсутствующими в нем. О современном состоянии лингвистического знания [см. Leonard Bloomfield 1933; Н. Pedersen 1931. С. W. K. Gleepur 1941]; проникновение политического языка в другие функциональные области время от времени изучалось также [А. Harnack, Militia Cliristi 1905]. Политическая лексика и образы были предметом исследования во многих научных работах, разновидностях литературы и других СМИ. Примеры: James Emerson Phillips Jr. 1940; Robert Taylor 1941; Richard Lattimore, 1942).

Существуют различные функции языка, в зависимости от намерения говорящего и достигаемого эффекта. Когда речь идет об оказании какого-либо воздействия на сферу власти, можно говорить о политической функции языка. В рамках данной концепции возможно два крайних варианта, первый – это непреднамеренное воздействие, оказываемое на сферу власти, а второй – полное отсутствие ожидаемого эффекта. Возможно, следует упомянуть, что политические намерения и воздействия иногда не лишены экономических и т.п. мотивов и последствий.

Когда мы говорим о политике как науке, мы имеем в виду науку о власти. Власть – это принятие решений. Решение – это санкционированный выбор, выбор, который влечет за собой серьезные последствия для того, кто осмелится ему противостоять.

Следовательно, язык политики – это язык власти. Это язык решений. Он регистрирует решения и вносит в них поправки. Это боевой клич, вердикт и приговор, закон, постановление и норма, должностная присяга, спорные вопросы, комментарии и прения.

Когда мы рассматриваем функции языка, мы исследуем бинарные отношения между функцией и языком. Наши главные вопросы при этом: каково влияние функции на язык и наоборот, языка на функцию? (по терминологии Чарльза В. Морриса, это прагматика коммуникации).

Когда мы изучаем влияние функции на язык, нас интересуют два аспекта языка, один из которых семантический, а другой синтаксиче-

ский. (эти термины также используются в значении, предложенном Чарльзом В. Моррисом). Политическая семантика рассматривает ключевые понятия, слоганы и догматы с точки зрения их восприятия. Политический синтаксис, с другой стороны, имеет дело с логическими и грамматическими отношениями. Историки, которые описывают современный политический лексикон в данном государстве, предоставляют нам живой материал (сырье) для политической семантики. Часто теоретики политической доктрины указывают на существование необоснованных или несостоятельных доктрин и, в некотором роде, вносят свой вклад в развитие политического синтаксиса.

При анализе политической семантики, нас интересуют две проблемы: одна из них – смысл сказанного, другая – стиль изложения. По традиции в политической науке вопрос смысла изучается достаточно полно, однако вопросам стиля, т.е. сочетания элементов, используемых для формирования сообщения, уделяется очень мало внимания. Поэтому настоящая глава, в которой рассматриваются главным образом вопросы политического смысла, посвящена обзору ряда хорошо известных категорий, необходимых для анализа языка власти. Вторая глава, напротив, посвящена стилю, и призвана проложить новый путь в этом направлении.

Политические категории: Политический миф. Исследования языка учеными-политологами привели к возникновению ряда пограничных категорий, в частности политического мифа. «Вся совокупность верований, существующих в данную эпоху, в большинстве случаев может быть сведена к определенным фундаментальным допущениям, которые в данное время, независимо от того, являются ли они верными или ложными, воспринимаются массами как чистая правда, при этом присутствует такая уверенность, что их едва ли можно назвать допущениями» [Dicey 1924: 20]. Политический миф содержит в себе «фундаментальные допущения», касающиеся политических вопросов. Он состоит из символов, к которым прибегают не только с целью разъяснения, но и оправдания специфических практик власти.

Неверно полагать, что термин «миф» обязательно придает вымышленный, ложный или иррациональный оттенок входящим в его состав символам, хотя зачастую имеются основания для подобной интерпретации.

Данный концепт по своему значению стоит в одном ряду с такими значительными понятиями классической литературы, как платоновская «ложь во благо», марксистская «идеология», сорелевский «миф», «политическая формула» у Моски, «деривации» у Парето, «идеология» и «утопия» у Мангейма и др.

Политическая доктрина: миранда. В состав политической док-

трины входят основные ожидаемые результаты и требования, касающиеся политических отношений и практик в данном обществе. В данном контексте Мерриам упоминает понятие «креденда» («догматы веры») – то, во что надо верить, разграничивая его с понятием «миранда» – то, что рассчитано на эмоциональное восприятие. «Креденда власти ... содержит в себе основания приятия индивидом данной власти. И это приятие во многом может определяться отношением к правительству в целом, к отдельным политикам или к системе власти популярной в данное время в отдельно взятой административной единице». Политическая доктрина изложена в официальных документах: конституциях (особенно в преамбулах), уставах, официальных декларациях и т.д.

Зачастую политическая теория служит главным образом для реализации принципов политической доктрины. Нет четкого разграничения между гипотезами политической науки и требованиями и ожиданиями политической философии. Этот вопрос достаточно убедительно изложен Мерриамом, который считает, что теории государства «во многом служили оправданием или рационалистическим обоснованием действий людей, находящихся у власти или стремящихся к ней – защита расовых, религиозных, классовых интересов в силу своего особого положения» [Charles 1925: xiv]. Одним словом, теории государства часто являлись своего рода воплощением политической доктрины.

В то же время, правовые и экономические теории часто служили основанием для формулировки политической доктрины, не независимо от их научного смысла. В самом деле, научные суждения в собственном смысле слова могут в то же время функционировать как политические символы, это особенно касается социальных наук. Как подчеркивал Луис Вирт, «Каждое утверждение 'факта' о социальном мире затрагивает интересы какого-либо индивидуума или группы» [Karl Mannheim 1936: xvii]. Данный факт не ставит под сомнение объективность суждения, однако он не акцентирует его возможное функционирование ни в политическом ни в исследовательском процессе.

Другим важным компонентом политического мифа, заключающим в себе (по крайней мере, в его латентном содержании) множество элементов политической доктрины, являются различные разработки социальных норм, теории того, что принято, правильно, хорошо. Милл в своем труде «О свободе» заметил, что «всегда, когда существует господствующий класс, моральные нормы страны во многом определяются интересами этого класса, а также его чувством классового превосходства». И дело не только в том, что это «исходит» от социальной структуры, но и в том, что здесь же коренятся фундаментальные оправдания существования подобной структуры. Подобная взаимосвязь

между классовыми предпочтениями и социальной структурой подчеркивалась в работах Веблена и других исследователей.

Миранда – это символы, выражающие отношение и самоидентификацию в политическом мифе. Их функция заключается в том, чтобы вызвать восхищение и энтузиазм, укрепляющие веру и чувство лояльности индивида к власти. Они не только вызывают необходимые для существования данной социальной структуры эмоции, но способствуют осознанию необходимости разделить эти эмоции с другими людьми, тем самым, стимулируя всеобщую классовую идентификацию и создавая основу для солидарности. «Эмблема или знак социальной принадлежности», как говорил Гиддинг, «не только обращают внимание человека, который видит или воспринимает его, на предмет или факт, который они символизируют, но и пробуждают в нем определенные чувства; они также заставляют его прислушаться к этим чувствам и обратить внимание на поведение окружающих, вызванное данными символами. Благодаря такому осознанию поведения и эмоций других людей он сам тотчас попадает под их влияние, которое равноценно первоначальному эффекту от этой эмблемы или знака социальной принадлежности» [Franklin 1901: 138]. Флаги и гимны, церемонии и демонстрации, group народные герои и окружающие их легенды – все это примеры, иллюстрирующие важность миранды в политическом процессе.

Политическая формула. *Политическая формула* это часть политического мифа, детально описывающая и определяющая рамки социальной структуры. Этот термин был заимствован у Моски, который, тем не менее, также использовал его для обобщения понятия политическая доктрина [Gaetano Mosca 1939]. Если политическая доктрина – это «философия государства и правительства», то политическая формула воплощает в себе основной общественный закон государства. Доктрина формирует, если можно так выразиться, постулаты формулы, следовательно, ее основным источником являются преамбулы конституций, причем последние считаются важным источником формул. Политическая формула, другими словами, уточняет содержание политической доктрины для специфических и более или менее конкретных политических моделей. На пример, политическая доктрина божественного права короля может быть конкретизирована в политической формуле посредством системы королевских привилегий, правил наследования престола, модели поведения по отношению к дворянской аристократии и т.д.

Политическая формула носит одновременно прескриптивный и дескриптивный характер – ее характерной чертой является двоякое толкование в соответствии с общепринятыми нормами («...если взять реальное значение той или иной формулировки закона, мы можем сказать, что оно двусмысленно; мы называем его нормативно двусмысленным, потому что здесь употребляется

слово «закон», а «закон» – это слово, которое отсылает нас к нормам, даже если не ясно, касается ли норма, о которой идет речь, только говорящего, является ли она общей для всех, или же, будучи всеобщей, данная норма не имеет никакого отношения к говорящему. Опыт повседневности служит доказательством огромной роли подобного рода нормативно двусмысленных утверждений в дискурсе, целью которого является толкование «закона», «морали» или «божественно воли». У нас возникает множество сомнений на предмет того, можно ли интерпретировать суждение 'Это правильно (с точки зрения морали)' как утверждение, имеющее смысл 'это закон', а фраза 'это воля божья' является не менее двусмысленной. Употребляя подобные словесные цепочки, говорящий может намеренно скрывать свои предпочтения и мнения относительно спорных вопросов, а также привлекать большее внимание к тому, что он говорит, озвучивая нормы, принадлежащие чуждой говорящему ценностной системе» [Lasswell, McDougal 1943: 267]). Она прескриптивна т.к. предполагает соответствие определенной спецификации и содержит в себе символы, нацеленные на аргументированное оправдание или осуждение данных политических практик. Но ее также можно назвать дескриптивной, поскольку, действительно, в определенной степени в ней присутствует соответствие предъявляемым требованиям, и, предположительно, в том, что данная формула принимается большинством людей как корректно описывающая модели и практики власти.

Ключевые символы и слоганы. В любом современном государстве всегда есть специалисты по внедрению, разработке и применению политического мифа. Прерогативой политического философа является доктрина; законодатели трудятся над созданием политических формул; ритуалисты и люди творческих профессий шлифуют миранду. Политики пытаются постепенно применять доктрину и формулы для решения текущих вопросов.

Безусловно, обычный человек проявляет лишь эпизодический интерес к тем тонкостям, которыми занимаются философы или законодатели и даже многие политические лидеры. Тем не менее, существует некий общий знаменатель между высказываниями обычного человека и мыслителя или политика. Все они используют ключевые символы.

Ключевой символ – это основной компонент политического мифа. В США ключевыми словами считаются «права», «свобода», «демократия», «равенство». Подобные термины можно встретить в сложных научных трудах, написанных профессорами, услышать на судебных заседаниях, в кулуарах Конгресса или просто на улице.

Одной из очевидных функций ключевого символа является функция формирования общественного опыта для каждого человека в государстве, от самого могущественного политического лидера до самого рядового обывателя или философа. В самом деле, одним из немногих обстоятельств, объединяющих людей независимо от расы, происхождения, профессии, принадлежности к партии или религии, является то, что на их сознание постоянно воздействует один и тот же набор

ключевых слов. Данные термины способствуют развитию чувства лояльности к власти и тем самым обеспечивают единство населения страны.

В том же ряду, что и ключевые символы стоят и слоганы, которые занимают промежуточное положение между отдельным словом и полноценным предложением с философским или политическим смыслом. Характерным признаком слогана или максимы является наличие краткой цепочки слов, смысл которой становится ясен за счет многократного повторения или в определенном контексте. Среди самых знаменитых афоризмов Английской конституции можно назвать «Король бессмертен» и «Король всегда прав». «Свобода слова», «Суд присяжных», «Билль о правах», – все это фразы, которые функционируют как слоганы.

Идентификации, требования, ожидания. Для более тщательного исследования удобнее классифицировать символы и утверждения в зависимости от типа отношений между автором суждений и заключенной в них информацией. Суждения, которые способствуют формированию у говорящего или пишущего определенных предпочтений или позиций, – это требования. В свою очередь, суждения, не являющиеся требованиями, могут подразделяться на те, которые определяют границы «я» их автора, и все остальные высказывания. Фраза «Я Американец» представляет собой идентификацию, т.к. она ставит в один ряд «Я» (эго-символ автора высказывания) и тех, кого называют «Американцы». Тотальное я каждого человека включает в себя всех тех, кто составляет его первичное «я». Как правило, речь идет о семье и друзьях, соседях и сослуживцах, а также соотечественниках – представителях той же нации. Суждения, не являющиеся ни требованиями, ни идентификациями, – это ожидания. Они всего лишь помогают говорящему или пишущему правильно сориентироваться (ключевые символы, которые обычно функционируют в суждениях как идентификаторы или как указатели требований и так называемого положительного отношения к власти, могут быть названы символами идентификации, требования и ожидания) (Различия между ними описаны в книге [Lasswell 1935]. Иногда автором используется термин «положительно отношение» как синоним слову ожидания).

Типы мифов: идеология и утопия. Тотальный миф любой общности людей всегда имеет один неизменный компонент: оправдание и высокое положение власти. Для характеристики этой части мифа принято использовать термин «идеология». В некоторых группах присутствует другой элемент, а именно, неприятие существующей идеологии. Часто порядок, установленный в государстве подвергается критике в каких-то аспектах, и предлагаются частичные реформы. В большинст-

ве случаев, тем не менее, имеют место встречные течения, выражающиеся в целом спектре различных доктрин и конституционных поправок, которые носят хоть и революционный, но антиреформистский характер. Когда критикуется фундаментальные принципы власти, которыми руководствуется правительство, и вся система распределения благ в обществе. Мы наблюдаем столкновение «утопического» мифа и существующей идеологии.

Примеры революционных изменений мирового значения. Некоторые утопические мифы имеют отношение не только к какой-либо конкретной территории, но и к миру в целом. Доказательствами необходимости тотальной перестройки человеческого общества являются так называемые исторические мифы, повлекшие за собой коренные изменения мирового значения. Они провозглашают и провоцируют незамедлительные и резкие изменения социального строя. Когда подобный миф пропагандирует или предсказывает коренной переворот, его можно назвать не только мировой революцией, но и «радикальным» по своей природе. В 1939 г., накануне Второй Мировой Войны, в мире существовало несколько подобных мифов, в частности, коммунизм, фашизм и национал-социализм. Но либерализм постепенно приобрел характер «умеренного», в силу того, что в мире больше не было того всплеска энергии, какой можно было наблюдать в 1789 г.. А на Дальнем Востоке уже был на подходе новый культ с чрезвычайно местным колоритом (Джапанизм).

Ограничение и распространение. Одна из главных проблем политической науки – это изучение факторов, способствующих сокращению или распространению политических доктрин и формул. Безусловно, речь идет об исследовании исторических и современных тенденций в пропаганде политических мифов и анализе сопутствующих и препятствующих ей факторов. Методы «контент-анализа», описанные и примененные в данной работе, были разработаны для систематизации тенденций и оценки наиболее важных факторов.

Несколько научных работ посвящены подробному изучению одного их крупнейших примеров революционных изменений мирового значения, произошедших в нашу историческую эпоху, – примера России (Данные труды являются частью исследовательской программы, которая в частности включает в себя работу [Лассвелла, Блуменсток 1939]). Нет сомнений в том, что переворот 1917 г. в России было ни что иное, как решающая фаза расцвета мирового революционно-радикального движения. Движение приобретает «революционный» характер, когда оно приводит к быстрым трансформациям и доктрин и институтов власти; оно становится «революционным в мировом масштабе», когда подобные трансформации происходят в нескольких государствах в одну и ту же историче-

скую эпоху; и наконец, его можно назвать «радикальным» когда используемые его участниками методы включают в себя насилие. Коммунисты были инициаторами движения, которое приобрело всемирный, «всеобщий» характер, оно не ограничивало себя рамками поставленной цели, и было революционным по своему размаху и радикальным по методам.

Если бы элита, захватившая власть в России, смогла бы достичь мировой революции, у нас был бы пример «тотального распространения», очагом которого являлся бы территориальный центр (который все время следил бы за тем, чтобы ключевые символы и практики оставались одни и те же). Если бы коммунизм был ликвидирован контрреволюцией, тогда можно было бы говорить о «тотальном ограничении» их влияния. Однако пикантность изучения событий недавней мировой политики заключается как раз в том, что ни тот, ни другой процессы не смогли «в полной мере» одержать верх; в данном случае имело место «частичное распространение» и «частичное ограничение».

Всю неповторимость российской модели можно обнаружить, если проанализировать события первых нескольких лет после захвата власти большевиками. Ключевые символы, слоганы и доктрины отчетливо видны в текстах официальных постановлений, резолюций и устных выступлений; с целью определения относительной степени значимости каждого входящего в их состав слова или мысли можно провести сравнительное исследование по авторитетным источникам (О технических средствах проведения подобных сравнений [см. Лассвелл 1945]).

Несмотря на то, что уловить распределение символов относительно легко, вывод о том, имеем ли мы дело в данном случае с ограничением или распространением, не всегда очевиден без дальнейшего исследования. Дело в том, что в обоих процессах присутствуют элементы взаимодействия, без которого данные явления можно было бы назвать просто «развитие» или «сокращение».

Рассмотрим с данной точки зрения термин «Социалист» в Немецком национальном социализме. Задолго до русской революции «Социализм» считался ключевым термином немецкой политики; несомненно, он стал предопределяющим фактором в фашистском выборе. Однако, кроме того, есть основания полагать, что на употребление данного символа оказала влияние Русская революция, так как нацистские лидеры сознательно стремились не допустить того, чтобы коммунисты присвоили себе их эксклюзивный термин.

Для оценки стабильности политического языка необходимо выбрать авторитетные источники. Одно из исследований, входящих в состав данной книги, посвящено обзору ежегодных первомайских лозун-

гов Российской коммунистической партии в период между 1918 и 1943 гг.; другие исследования анализируют деятельность и материалы Третьего интернационала.

С чисто формальной точки зрения, любые изменения, происходящие в языке политики, удобней классифицировать как «добавления», «лакуны» и «вариации». Другой, более значимый способ классификации языковых изменений – их группировка по отношению к прошлому: является ли данная реалья «вновь возрожденным архаизмом» или «инновацией»? На первых порах, успешные революционные движения стремятся уничтожить все, что может ассоциироваться со старым режимом; но с течением времени все старое вновь возрождается, по крайней мере, частично.

Как только вопрос о том, что перед нами – инновация или вновь возрожденное употребление – считается решенным, необходимо понять, носит ли данное изменение «прогрессивный» или «реакционный» характер. Прогрессивным мы называем то изменение, которое по своей природе *не противоречит* или *способствует* формированию свободного общества. Постольку поскольку Русская революция предлагала заменить царизм на более демократическую идеологию и более демократический набор социальных институтов, она носила прогрессивный характер. Однако ее можно назвать реакционной в том смысле, что в ней можно увидеть множество антидемократических черт и последствий, дающих о себе знать в настоящее время.

Мимоходом заметим, что вновь вошедшие в обиход словоупотребления не обязательно относятся к недавнему прошлому, поскольку вполне возможно, предпосылкой возникновения прежнего режима были действия правительств, носившие более прогрессивный или более реакционный характер. Следующий важный момент, касающийся классификации, заключается в том, что описать ситуацию, в которой явление является прогрессивным лишь частично, чрезвычайно трудно. Напр., режим, который является в значительной степени демократическим по форме, может использовать антидемократический средства для достижения поставленных целей (по сути, для достижения более совершенной свободы). Вопрос о том, можно ли считать прогрессивным проведение реакционной политики для разжигания протеста, является спорным (Тот факт, что подобные утверждения часто основаны скорее на целесообразности пропаганды, нежели на правдоподобном исследовании, не может заставить нас закрыть глаза на то, что, возможно, они являются верными. Хотя поиск истины в подобных вопросах является одним из самых тонких проявлений политической оценки. Во многих случаях удобнее рассматривать политическую реалью не только в ее отношении к прошлому, но и к теоретическим нормам; ее также можно сопоставить с современными политическими доктринами и институтами. В результате мы констатируем «подобие» или «индивидуальное своеобразие»; а если речь идет о взаимо-

действии, обнаруженные сходства являются следствием «полной или частичной ассимиляции» (или же «синхронизации»). Когда формирование индивидуального своеобразия происходит на фоне взаимодействия, предполагается «полное или частичное отторжение» (при отсутствии взаимного влияния, мы имеем дело с «дивергенцией»)).

В истории нет примера полного распространения революционной модели по всему миру или, даже за недавний период, в пределах европейской территории. Море Французской революции вышло из берегов и затопило большую часть континента, однако только для того, чтобы потом отхлынуть; а русская волна уже была чем-то качественно иным. Когда во время Второй мировой войны поиск союзников проводился среди элиты, исповедующей различные доктрины, политическая разношерстность отнюдь не являлась преимуществом. Последняя более уместна тогда, когда больших результатов можно достичь, обратившись к народным массам различных национальностей, нежели осуществляя поиск компромиссов с иностранной элитой.

Однако, уделяя слишком пристальное внимание событиям в России, мы можем упустить из виду некоторые из важных предвестников будущих политических стратегий. И если верить истории прошлых революционных волн, революционные инициативы мирового масштаба не рождаются из кратера недавно извергавшегося вулкана. Противостояние фашистского «расизма» и коммунистического «материализма» началось за пределами России. Даже более значительные движения могли зародиться где угодно, в том числе среди тех, кто, вслед за Троцким, видел в сталинизме «реакционную измену» делу «пролетариата».

Язык как инструмент власти. Изучение процессов ограничения и распространения требует обращения к общей теории языка и к языку как фактору, определяющему состояние власти и фиксирующему различные политические тенденции. Определенная часть реформ, осуществляемых властью, вызвана языковыми причинами, в связи с этим, одной из наших задач является установление соотношения между специальной теорией языка, политикой и общей теорией власти.

С помощью власти мы можем понять взаимоотношения между людьми, которые, в случае необходимости, делают свой выбор по принуждению. Слова и власть тесно связаны между собой, поскольку показатели власти во многом носят вербальный характер (приказание – выполнение приказа, предложение – одобрение, и т.п.). Слова также имеют большое значение в переходные для власти периоды – во времена революционных волнений и конституционных инноваций.

Следовательно, нашу проблему можно сформулировать следующим образом: при каком условии слова оказывают влияние на действия власти? Если предположить, что «действия власти», в которых мы заинтересованы, соотносятся с буквой R, задача состоит в том, чтобы

понять, какие слова из окружения тех, кто находится у власти, будут оказывать большее влияние на R, настраивая аудиторию определенным образом (при условии постоянства всех прочих факторов). От чего зависит тот факт, что революционный призыв может быть отвергнут или подхвачен массами? Что определяет реакцию на предложение о необходимости реформ, на побуждение к решительным или умеренным действиям?

Основной закон власти можно сформулировать достаточно просто: когда люди хотят достичь власти, они действуют в соответствии со своими представлениями о том, как добиться наибольшей власти. Поэтому, используемые ими символы (*слова и образы*) *оказывают влияние на власть, поскольку воздействуют на представления о власти* [См. Lasswell 1948].

Для того чтобы проверить или применить на практике данные утверждения, необходимо знать определенную информацию о каждой конкретной аудитории. Какие символы, обозначающие власть и указывающие на изменения в иерархии власти, воспринимаются данной публикой? Какое средство массовой информации способно довести сообщение до их сознания, и какое отношение к данному каналу информации идеально подходит для восприятия цитируемых в нем символов? Какой стиль изложения оказывает влияние на позицию, занимаемую по отношению к содержанию транслируемой информации?

В том, что касается анализа политического смысла, мы вооружены целым набором категорий, которые достаточно хорошо изучены филологами. Иначе дело обстоит с изучением стиля изложения политической речи. Здесь пролегает граница еще не исследованной области, которая не имела никакого научного интереса и значения. В следующей главе мы в целях размышления и научного исследования, в общих чертах рисуем теорию стиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

A. V. Dicey, Lectures on the Relation Between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century, Macmillan & Company, Ltd., London 1924.

Charles E. Merriam, New Aspects of Politics, University of Chicago Press, Chicago, 1925

Edward Sapir, «The Concept of Phonetic Law as Tested in Primitive Languages by Leonard Bloomfield», Methods in Social Science; A Case Book, University of Chicago Press, Chicago, 1931.

Etienne Gilson, «Michel Monot et la technique du sermon médiaéval», Les Idées et les lettres, Paris, 1932.

Franklin H. Giddings, Inductive Sociology, Macmillan Company, New York, 1901.

Gaetano Mosca, The Ruling Class, McGraw-Hill, New York, 1939.

H. Pedersen, Linguistic Science in the Nineteenth Century, Harvard University Press, Cambridge, 1931.

Harnack, Militia Cliristi. Die Clirisiliche Religion u. der Soldatenstand in den ersten drei

Jahnhunderten, 1905.

Harold D. Lasswell, *World Politics and Personal Insecurity*, McGraw-Hill, New York, 1935.

Harry Caplan, «A Late Mediaeval Tractate on Preaching», in *Studies in Rhetoric and Public Speaking, In Honor of James Albert Winans*, by pupils and colleagues, Century, New York, 1925.

James Emerson Phillips Jr., *The State in Shakespeare's Greek and Roman Plays*, Columbia University Press, New York, 1940.

Karl Mannheim, *Ideology and Utopia; An Introduction to the Sociology of Knowledge*, with a preface by Louis Wirth, Harcourt, Brace & Company, New York, 1936.

Leonard Bloomfield, *Language*, New York, 1933.

Leslie Speier, A. Irving Hallowell, Stanley S. Newman, *Sapir Memorial Publication Fund*, Menasha, Wisconsin, 1941.

Lynn Thorndike, *A History of Magic and Experimental Science During the First Thirteen Centuries of Our Era*. Macmillan, New York, 1929, Vol 1.

Pierre Bovet, *The Fighting Instinct*, Allen and Unwin, London, 1923.

Rhetorica and De Poetica, Vol. IX of *The Works of Aristotle Translated into English under the editorship of W. D. Ross*, Clarendon Press, Oxford, 1924.

Richard Lattimore, *Themes in Greek and Latin Epitaphs*, University of Illinois Press, Urbana, 1942.

Robert Taylor, *The Political Prophecy in England*, Columbia University Press, New York, 1941.

Sister Mary Catherine O'Connor, *The Art of Dying Well*, Columbia University Press, New York, 1942.

Sporadic studies have been made of language in politics, such as Uno N. Philipson, *Political Slang, 1750-1850* (*Lund Studies in English*, edited by Professor Eilert Ekwall, IX), C. W. K. Gleerup, Lund, 1941.

Th. M. Charland, *Artes Praedicandi, Contribution a l'histoire de la rhétorique au moyen age*, Paris, Ottawa, 1936.

Victor Ehrenberg, *The People of Aristophanes; A Sociology of Old Attic Comedy*, Blackwell, Oxford, 1943.

© Гарольд Лассвелл, 2006

© Толмачева М.В. (перевод), 2006

Дж. Оруэлл

Перевод: Русова И.

ПОЛИТИКА И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Большинство людей, хоть как-то причастных к данной проблеме, признают, что в настоящее время состояние английского языка оставляет желать лучшего, однако вместе с этим ясно, что едва ли даже сознательные меры помогут исправить данное положение дел. Современная цивилизация находится в состоянии упадка, и наш язык – как показывают факты – тоже неизбежно движется к своему разрушению. Из этого следует, что любая борьба против некорректного использования языка – всего лишь дань сентиментальному консерватизму, подобно тому, как некоторые до сих пор предпочитают свечи электрическому свету. Под этим кроется полубессознательная вера в то, что язык – это